

В. А. ЛЯШЕВ (Сыктывкар)

НЕКОТОРЫЕ ДИСТИНКТИВНЫЕ ПРИЗНАКИ СЕВЕРНОГО НУЛЬ-ЭЛОВОГО АРЕАЛА КОМИ ЯЗЫКА

Северный нуль-эловый ареал коми языка характеризуется целым рядом структурных особенностей, отличающих его от других ареалов — эловых и вэ-эловых. В статье рассматриваются имеющиеся дистинктивные признаки вымско-ижемского региона.

I. Идеальным дистинктивным признаком является прежде всего нуль-эловая разновидность речи. Специфика связанных долгих фонем, возникших в результате вокализации этимологического **l*, затрагивалась во многих работах, в том числе в капитальном труде «Основы финно-угорского языкознания». ¹ Инструментальный анализ долготы связанных фонем показал в обоих диалектах примерно одинаковые параметры гласных в различных дистрибуционных отношениях. Интересно отметить, что эти вторичные долгие гласные в вымском и ижемском диалектах стали употребляться также в закрытом слоге перед сонорными и звонкими согласными (*pōž* 'решето', *līm* 'снег'). При этом вымские говоры послужили источником инновации по отношению к этим фонетическим явлениям. Отличительным признаком вокалической системы нуль-элового ареала считаются синхронность и их одинаковая системная обусловленность.

II. В морфологической структуре ареала как изоглоссное явление выступает грамматический форматив *-li* — оформитель имени в роли подлежащего и прямого объекта. Это интересное явление, по сути дела еще требующее объяснения, встречается в переходной зоне вымского диалекта, учащается по мере приближения к верхневымским говорам, широко функционирует в ижемском диалекте.

В литературе высказывались разные предположения о происхождении *-li* в функции аккузатива и номинатива. Т. И. Фролова (Жилина) отмечала, что здесь проявляется «способность семантики дательного падежа сохранять реликтовое различие прямого и косвенного объекта». ²

Рассматривался форматив *-li* и как падежный показатель. Б. А. Серебренников высказал предположение о том, что по происхождению *-li* представляет собой эмфатическую частицу. ³

¹ Основы финно-угорского языкознания I, Москва 1974, стр. 45—48.

² Т. И. Фролова, Именные категории верхне-вымских говоров северного диалекта коми языка, Сыктывкар 1950 (канд. дисс., рукоп.), стр. 182.

³ Б. А. Серебренников, Историческая морфология пермских языков, Москва 1963, стр. 44.

Нам кажется, что в данном случае следует исходить из дифференциации происхождения и значения *-li*. Как формальный показатель датива *-li* имеет общепермское происхождение. В удмуртском языке, например, суффикс *-li* выражает значение дательного и достигательного падежей, что допускает предположение о развитии двух указанных падежей из одного внешнеместного направительного падежа. Аналогия наблюдается в иньвенском диалекте коми-пермяцкого языка: *brigadirve šetni* 'дать бригадире' и *brigadirve munnii* 'идти за бригадиром'.

В северном нуль-эловом ареале коми языка дативный суффикс *-li* является омонимией по отношению к спорадическому аккузативному и номинативному *-li*, выполняющему, по Б. А. Серебренникову, выделительную функцию. Так, в предложениях *čeladidli loi šekta bittini* 'детей пришлось трудно растить' (вым.), *munan mortli in kut* 'идущего человека не задерживай' (иж.) — носители диалектов эмфатически выделяют слова при помощи формата *-li*.⁴ Форматив не несет на себе грамматической значимости, его роль ограничивается выделительной функцией.

Форматив может агглютинироваться и к наречным словам, даже модальным. Примеры из вымского диалекта: *kišankeļi snařad voę daj semin* 'откуда-то снаряды летят и летят', *teketeli uđiti voni* 'только что успел прийти'. Интересны вымские примеры: *đemiš orčča Ivanjasliķed* 'дом-то его рядом с домом Ивана', *Ivan iz nin kerkađdli vižedli* 'Иван не посмотрел уже на дом', — где говорящие применяют форматив в других косвенных падежах существительных.

Любопытный материал находим в письменных памятниках XVIII века⁵, где встречаются аналогичные случаи: *Spašitam veřna lovjasli mijaň* 'О спасении душ наших' (вместо *lovjasnięmes*); *Vořtas niјali jevangelje veřkiđlo* 'Откроем им евангелие правды' (вместо *veřkiđ, veřkiđes*); *Lořalomlo mezosliř koram* 'Мира у господина просим' (вместо *leřalemeř, leřalemeřes*).

В приведенных предложениях фиксируем непривычное появление *-li, -lo*. З. И. Кузнецова объясняет его следующим образом: «Может быть, в этих примерах допущены ошибки, букву *s* переписчик спугал с *l*; возможно, в списках отражен диалектный вариант употребления дательного падежа вместо винительного, ср. вымский и ижемский говоры современного коми языка».⁶ Нам кажется, второе предположение З. И. Кузнецовой ближе к истине.

По-видимому, форматив встречался в более отдаленное время и не только в существительных винительного и именительного падежей, но и в других частях речи (*veřkiđlo*). Нельзя не заметить, что в примерах З. И. Кузнецовой дательный падеж чаще оформляется суффиксом *-li* реже — *-lo*. В составе же именительного, винительного и других падежей, а также иных частей речи нет единообразия: встречаются *-le, -li*, в списках Ундольского — *-li*. Не исключена возможность, что уже древние носители коми языка формативом *-li* (*-le, -li*) наряду с оформле-

⁴ Материал с пометой «вым.» собран автором на р. Вымь в 1971—1975 гг. Ижемские образцы взяты из соответствующих разделов книги: М. А. Сахарова, Н. Н. Сельков, Ижемский диалект коми языка, Сыктывкар 1976.

⁵ З. И. Кузнецова, Язык письменных коми памятников XVIII века, Йошкар-Ола 1967 (канд. дисс.), стр. 148.

⁶ З. И. Кузнецова, указ. раб., стр. 148.

нием дательного падежа эмфатически выделяли субъект или объект действия, и в этом случае *-li* использовался как частица. В настоящее время описываемое явление не служит идеальным дистинктивным признаком северного ареала, аналогия имеется в лузско-летском диалекте коми языка.⁷

Позднее функции формата расширились: к усилительно-выделительному значению прибавилось определительно-указательное. Нетрудно заметить, что частица конкретизирует субъект и объект, выделяя их, например: *špisokli ħin abu* (вым.) 'списка-то уже нет', *kinoliŋe vižedla* (вым.) 'кино-то часто смотрю', *veġjasli ležalis bečkajas beke* (иж.) 'лошадей-то распряг, около бочек выпустил', *širli čeč šojšas gumnas* (иж.) 'мышка-то тоже наестся травой'.

Утверждение об определительно-указательной роли косвенно доказывается чрезвычайной активностью *-li* при соединении с личными и указательными местоимениями, употребляющимися в контексте с конкретным значением: *pemñita teneli prodavecis* 'помню тебя продавцом'; *esijeli eške loktis gorte* 'тот-то пришел домой'; *kod pe veje, sijeli pe i kit vome kojišni* 'кто утонет, того и бросить в пасть кита'; *sili boštisniš da lagere i kuli* (иж.) 'его взяли и в лагере он и умер'.

В подобных случаях особенно заметна непадежная роль формата *-li*. Это подчеркивала и Т. И. Фролова: «Отличие по линии личных и указательных местоимений винительного падежа состоит в оформлении винительного падежа некоторых личных и указательных местоимений показателем дательного падежа *-li*, имеющим в данном случае не падежное значение, а значение частицы».⁸

Таким образом, имеющийся в вымском и ижемском диалектах форматив *-li* по происхождению представляет собой частицу, придающую слову усилительно-выделительное и определительно-указательное значения.

III. Весьма интересной спецификой обладает вымско-ижемский перфект. Как известно, базой для формирования перфекта послужили причастия на *-em*, к которому позднее прибавился оттенок модальности.⁹ Процесс переосмысления причастия в перфект не мог не происходить в течение длительного времени.

На наш взгляд, особенность семантики вымско-ижемского перфекта заключается в более именном характере этой глагольной формы по сравнению с другими диалектами: во многих случаях причастие на *-em* находится еще в стадии переосмысления его в неочевидно-результативный глагол прошедшего времени. Именная специфика предиката четко выявляется в следующих предложениях: *menam munema samej veres-saje* 'я как раз к этому времени вышла замуж'; *ižjasis abužik liđdema* 'овцы немножко неточно пересчитаны'; *učitelis abu em tirema sen klubas* 'учителей разве не полно там в клубе?' В данных предложениях в роли предиката выступает скорее не глагол II прошедшего времени, а причастие. Тем самым подчеркивается не активное действие, а признак предмета. Формативный показатель перфекта *-a* не играет особой роли.

Глаголы II прошедшего времени при употреблении не всегда снабжаются модальным оттенком неочевидности. Значение глагольной фор-

⁷ Т. И. Жилина, Говор села Слудка. — Историко-филологический сборник, вып. 3, Сыктывкар 1956, стр. 82.

⁸ Т. И. Фролова, указ. раб., стр. 137.

⁹ Б. А. Серебрянников, указ. раб., стр. 266.

мы сужено, форма передает только действие в прошлом (можно сказать, признак действия в прошлом), результат которого сохраняется до настоящего времени: *prečista kežlad vundema vek i vartema* 'к празднику Пречисты всегда хлеб убран и намолочен'; *me nin vunedema šijni* 'я уже позабыла песни'; *kerkanimes šiptema eni* 'наш дом теперь закрыт'.

Дополнительно иллюстрирует высказанную мысль отсутствие личных окончаний в парадигме спряжения. В выском (спорадически) и ижемском диалектах в единственном и множественном числе произошло обобщение и распространение на все лица соответствующей формы 3-го лица: *mi taj petemaš-a* 'мы сыты (наевшиеся)', *sarli šue te pe taj bura tešiččema narodis vile* 'говорит царю, ты, мол, сильно издевался над народом' (сказка); *mij šerti te toon voččema?* 'по какому случаю ты сегодня нарядился?'.

Примеры свидетельствуют об определенной тенденции к сохранению более древнего состояния перфекта. Для историка языка вымский и ижемский диалекты могут представить материал для иллюстрации предположения о том, что причастия на *-em*, послужившие исходной субстанцией к преобразованию его в перфект, в ряде случаев находятся на стадии переосмысления в глагол II прошедшего времени.

IV. Для изучения структуры или истории того или иного языка весьма интересной областью являются и служебные слова, сохраняющие, как правило, очень древние черты грамматики и словарного состава. К изоглоссным явлениям, возникшим в выско-ижемском ареале, относится специфика серийного послелога *vil-* 'поверхность чего-либо'. Функционально послелоги отклоняются от соответствующих форм в других диалектах. Так, *vile* (иллатив) употребляется в значении дательного падежа (аллатив): *me verita te vilad* (иж.) 'я верю тебе'; *me vilam deveričči* (вым.) 'доверься мне'. Данный послелог употребляется в значении послелога *jliš* 'о (об, обо), про': *me vilam šorhiteni* (иж.) 'обо мне говорят'. Послелог *vijti* (пролатив) встречается в значении соединительного падежа (комитатив): *me vijti te ninem on kar* (иж.) 'со мной ты ничего не сделаешь'.

В качестве причинного послелога в диалектах широко употребляется *šerti* (в других ареалах *vesna, ponda*): *te šertinid iz voli* (иж.) 'из-за тебя не приходил'; *čelad šerti šogi* (вым.) 'из-за детей страдала'. Все приведенные послелоги, как правило, оформляются в речи принадлежностными показателями.

В первых трех случаях мы, очевидно, должны констатировать расширение функций серийного послелога *vil-* в указанных диалектах. Реликтовое ли это явление, отражающее состояние общепермского языка древнейшей поры, когда «наличие местных падежей ... предоставляло широкую возможность выражения отдельных нюансов локальных значений путем употребления соответствующих по значению местных падежей»¹⁰, или изоглоссные явления, возникшие в ареале отдельной зональной общности, еще предстоит решить.

¹⁰ Б. А. Серебrenников, указ. раб., стр. 335.

V. A. LJASEV (Syktyvkar)

EINIGE DISTINKTIVE MERKMALE DES NULL-*l* AREALS DER KOMI-SPRACHE

Im Beitrag werden distinktive in der Komi-Sprache vorkommende Merkmale der Vym-Ižmaer Region behandelt, die die gegebene Mundartgruppe von anderen recht deutlich unterscheiden lassen. Eine null-*l* Abart im Vokalsystem der Dialekte (Mittel-Sysola *pul*, Syktyvkar *puv*, Vym-Ižma *pū* 'Preiselbeere') erscheint dabei als ideales Merkmal.

In der morphologischen Struktur des Areals tritt das grammatische Formativ *-li*, d. h. der Gestalter des Namens in der Rolle eines Subjekts oder eines direkten Objekts, als Isoglosse auf. Seiner Herkunft nach ist das Formativ eine Partikel, die dem Wort eine auszeichnende, bestimmungsbezogene und hinweisende Bedeutung verleiht.

Es wird angenommen, daß das Vym-Ižmaer Perfekt eine Tendenz zur Erhaltung seines alten Zustandes hat: nämlich das Partizip mit *-em*, das als Ausgangssubstanz seiner Verwandlung zum Perfekt gedient hat. In einigen Fällen befindet es sich im Stadium der abermaligen Auslegung (Auffassung) als Verb der 2. Vergangenheit.

Die serienmäßige Postposition *vī* (Mittel-Sysola *vil* Syktyvkar *viw*) 'Oberfläche' erscheint im Areal in einer beträchtlich erweiterten Funktion, indem sie in anderen Dialekten von entsprechenden Formen abweicht.